

DOI: 10.31857/S241377150009969-8

К уточнению понятия упрека с помощью корпусных инструментов

© 2020 г. Р. И. Шмурак

Доцент Института русского языка и культуры
факультета международных отношений Чжэцзянского университета (Китай),
Китайская Народная Республика, 310058, г. Ханчжоу, ул. Юйхантан, д. 866
roman.shmurak@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 23 апреля 2020 г.

Дата публикации: 30 июня 2020 г.

Резюме. Настоящая статья посвящена уточнению понятия упрека. Методологической основой работы является совмещение идей грамматики конструкций и инструментов корпусной лингвистики. Ключевым для существующих работ (подавляющее большинство из них выполнено в русле “прагмалингвистического” подхода) является представление об упреке как о феномене, облигаторно обусловленном контекстом. Языковые (и особенно корпусные) данные, однако, не подтверждают этот тезис, демонстрируя возможность выражения упрека с помощью специализированных формальных средств, без дополнительной опоры на контекст. “Визуализация” этих средств инструментами Национального корпуса русского языка позволяет собрать ценные данные о формальной стороне упрека и является фокусом данного исследования.

Ключевые слова: упрек, грамматика конструкций, корпусная лингвистика, Национальный корпус русского языка.

Для цитирования: Шмурак Р.И. К уточнению понятия упрека с помощью корпусных инструментов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 24–48. DOI: 10.31857/S241377150009969-8.

Clarifying the Concept of Reproach Using Corpus Tools

© 2020 Roman I. Shmurak

Associate Professor at the Institute of Russian Language & Culture,
School of International Studies of the Zhejiang University (China),
866, Yuhangtang Road, Hangzhou, 310058, People's Republic of China
roman.smurak@gmail.com

Received by Editor on April 23, 2020

Date of publication June 30, 2020

Abstract. This article is concerned with clarifying the concept of reproach. Its methodology is based on combining the construction grammar principles and the corpus tools. The key to existing works (the vast majority of them have been carried out in line with the “pragmalinguistic” approach) is the idea of reproach as a phenomenon obligatorily determined by the context. However, the language (and especially corpus) data do not support this thesis, demonstrating the possibility for the reproach to be expressed through special formal means, without involving context. The “visualization” of these formal means with the tools of Russian National Corpus enables to collect valuable data on the formal side of reproach and is the focus of this study.

Key words: reproach, construction grammar, corpus linguistics, Russian National Corpus.

For citation: Shmurak, R.I. *K utochneniyu ponyatiya upreka s pomoschyu korpusnykh instrumentov* [Clarifying the Concept of Reproach Using Corpus Tools]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 3, pp. 24–48 (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150009969-8.

I. Введение

Изучение упрека как языкового явления имеет в российской лингвистике достаточно давнюю традицию. Ориентировочным началом серьезного интереса исследователей к этому феномену являются 80–90-е годы XX столетия. К этому времени в отечественной лингвистике сложилось и продолжало параллельно развиваться несколько магистральных направлений, которые стали благотворной почвой для изучения упрека.

1. Доминирующим фактором, обусловившим появление работ по упреку, явился триумфальный приход прагмалингвистики в российскую науку. Классические труды родоначальников теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля [1]; [2] были опубликованы в 1962 и 1965 гг. соответственно (притом что лекции Дж. Остина были прочитаны в Гарварде еще в 1955 г.); в русском переводе эти работы были изданы только в 1986 г. [3]; [4], хотя, конечно, были известны у нас и раньше. К этому времени теория речевых актов давно вышла за пределы лингвистического направления аналитической философии, образовав вкупе с “прагматическими” идеями Ч. Пирса и Ч. Морриса новую область теоретической лингвистики – прагмалингвистику. Прагмалингвистика подарила языкознанию синтетический подход и принципы, актуальные и по сей день: антропоцентричность, акцент на коммуникативную цель говорящего, отношение к контексту как ключевому семантическому критерию, внимание к экстралингвистическим факторам, ориентация на субъективный компонент высказывания, своего рода “антиформализм”. Можно с уверенностью говорить, что в настоящее время значительная часть (если не большинство) всех исследований, косвенно или напрямую посвященных упреку, созданы в русле прагмалингвистики и базируются на перечисленных выше принципах. Одним из последних образцов работ данного ряда, выполненных на английском материале, является статья D. Van Olmen “Reproachatives and imperatives” [66].

2. Параллельно развитию англо-американской прагмалингвистической традиции,

в 1980–90-х годах в отечественной лингвистике появляется интерес к теории речевых жанров [5]. Концепция речевого жанра, предложенная М.М. Бахтиным, стала известна широкому кругу читателей в 1970-х годах¹, а в 1990-е годы приобрела статус еще одного магистрального направления в российской лингвистике [6]. Будучи наследницей русской литературоведческой школы, теория речевых жанров независимо от теории речевых актов также апеллировала к коммуникативной цели говорящего, контексту, экстралингвистическим факторам, субъектно-объектным отношениям. И если работы, где упрек понимается как речевой акт, в количественном отношении занимают первое место, то второе место, на наш взгляд, по праву принадлежит исследованиям упрека в русле теории речевых жанров.

3. Ряд работ рассматривает упрек как “речевую стратегию” или “тактику”. Зарождение понятия речевой стратегии связано с исследованиями Т.А. ван Дейка 1970-х годов [7, с. 278]. В целом данное направление укладывается в рамки прагмалингвистического подхода, однако имеет ярко выраженный акцент на коммуникативной цели говорящего, что позволяет выделить работы, описывающие упрек как речевую стратегию или тактику, в отдельную группу.

4. Работы, выполненные в рамках контрастной парадигмы (то есть посвященные сравнительному изучению упрека в разных языках), также должны, по нашему мнению, рассматриваться как самостоятельное направление. Хотя большинство этих работ прагмалингвистичны по своей природе, их отличает стремление к поиску ярко выраженных, очевидных для сравнения характеристик упрека, что значительно расширяет наше представление об упреке как о языковом явлении и в ряде случаев дает ценный эмпирический материал.

¹ Подробнее об истории создания этой работы см. в комментариях Л.А. Гогтишвили [5]. Черновая рукопись работы датируется предположительно 1953 г.; М.М. Бахтиным она не была закончена и впервые в виде фрагментов была опубликована в 1978 г., уже посмертно.

5. Серьезный вклад в изучение упрека вносят этимологические, толковые, идеографические и синонимические словари. Конечно, словари не ставят перед собой задачу изучения упрека как такового. Более того, классический пример вендлеровского “иллокутивного самоубийства” [8] – фраза “*Я упрекаю тебя в том, что ты...*” – ставит под сомнение возможность для лексемы “упрек”, “упрекать” выступать в роли перформативов (оперируя терминологией теории речевых актов), а значит, и ценность словарей как источника информации об упреке. Однако на практике информация, содержащаяся в словарях, имеет большое значение для интерпретации семантики упрека и не может быть проигнорирована. Показательными примерами на русском языке являются “группировка РА”² – “Осуждения, упреки и оскорбления” в работе М.Я. Гловинской “Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов” [67, с. 194–198] и совместная словарная статья “Упрекать” Ю.Д. Апресяна и М.Я. Гловинской в “Новом объяснительном словаре синонимов русского языка” [9, с. 1213–1219]³. Для английского языка невозможно не отметить работу А. Вежбицкой “English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary”, содержащую раздел “The Reprimand group” [68, с. 139–149]. В случае этих фундаментальных работ речь идет не просто о констатации существования в языке тех или иных синонимов, а о продуктивном методе их толкования, что позволяет по отношению к частным синонимическим рядам, включающим лексему “упрекать”, говорить именно о словарном подходе к упреку как языковому явлению, основанному на глубокой семантической рефлексии опытных лексикографов.

6. Говоря о тенденциях отечественной лингвистики конца XX – начала XXI в. применительно к упреку, невозможно не отметить растущий интерес исследователей к языковым явлениям, объединенным синонимическим рядом терминов “речевая (словесная, языковая, вербальная, коммуникативная) агрессия, язык вражды, словесный экстремизм, дискурс ненависти” [10, с. 6]. На наш взгляд, значительная часть работ по “речевой агрессии” в той или иной мере соотносится с упреком

как языковым явлением и представляет собой три группы:

1) исследования, изучающие речевую агрессию как системный феномен, где упрек анализируется (или по крайней мере упоминается) как один из ее видов;

2) исследования, имеющие своим предметом один из видов речевой агрессии и рассматривающие упрек в качестве смежного / противопоставленного вида;

3) узкоспециализированные исследования, посвященные непосредственно упреку как языковому явлению в рамках речевой агрессии.

Таким образом, в границах описанных магистральных тенденций отечественной лингвистики последних десятилетий был накоплен значительный объем информации по содержательной стороне упрека как языкового явления. Эта информация нуждается в систематизации и критической оценке.

II. Содержательная сторона упрека как языкового явления

В зависимости от цели и предмета работы, а также от научного мировоззрения исследователя упрек как явление может рассматриваться в различных аспектах. Основными следует, по всей видимости, считать те, которые в той или иной мере присутствуют в известных нам работах: таксономия упрека, субъектно-объектные отношения в упреке, коммуникативная цель упрека (“интенция упрека”, как ее называют некоторые лингвисты [26, с. 93]). Общим для всех исследований, имеющих отношение к упреку, является понимание контекста как основного определяющего критерия при рассмотрении перечисленных аспектов. В одних исследованиях ключевая роль контекста выделяется и специально подчеркивается, в других – подразумевается как априорная и не требующая специальных пояснений. Но в обоих случаях контекст представляется “универсальным” прагматическим измерением и непременным атрибутом, без которого анализ содержательной стороны становится невозможным.

II.1. Таксономия упрека

Вопрос о таксономическом статусе упрека в русском языке к настоящему времени остается по-прежнему нерешенным. Отсутствие единогласия обусловлено не столько дискуссиями по вопросу природы самого упрека, сколько направлениями, в рамках которых формировались взгляды различных исследователей.

² Термин М.Я. Гловинской.

³ См. также в этом словаре статьи “Обвинять” [69, с. 683–687], “Осуждать” [70, с. 729–733], “Ругать” [71, с. 989–995] тех же авторов.

Совершенно стандартной является ситуация, когда исследователь использует в своей работе то или иное терминологическое сочетание для упрека как априорную аксиому, не требующую обоснования. В Таблице 1 представлены основные таксономические статусы упрека и наиболее, на наш взгляд, показательные исследования, содержащие эти статусы⁴.

Проблема сущности упрека не сводится только к вопросам “как называть явление” и “с позиции какого подхода его рассматривать”. На наш взгляд, главным является проблема определения этого понятия, т.е. вопрос “**что такое упрек**”. Отечественная лингвистика накопила множество ценных сведений о содержательной стороне упрека, однако нет ни одного определения упрека, которое устраивало бы абсолютно всех исследователей. Здесь, на наш взгляд, уместна аналогия с известной притчей о важности системного подхода к любой проблеме. В сюжете притчи слепые подошли к слону с разных сторон и стали давать ему определения. Первый слепой взял слона за ухо и сказал: “Слон — это большой лопух”. Второй, ощупав ногу слона, сказал, что слон — это колонна. Третий потрогал хобот и сказал, что слон — это канат. Все трое были правы, характеризуя части слона, и в то же время не правы, так как никто не рассматривал слона как целое. Подобная ситуация, по нашему мнению, наблюдается и с существующими прагмалингвистическими дефинициями упрека в рамках различных направлений. Будучи ценными наблюдениями по различным аспектам содержательной стороны упрека, подобные определения не отвечают на вопрос “что такое упрек”.

⁴ Для формирования объективной картины существенным был максимально широкий охват научной продукции последних лет, включая защищенные диссертации, материалы научных конференций и т.п. Для этого мы предприняли сплошное библиометрическое обследование баз “eLibrary” [57], “Cyberleninka” [58], а также других электронных ресурсов, в результате которого было выделено 48 работ по непосредственной тематике исследования. Из них 23 относят упрек к речевым актам, 11 написаны в рамках теории речевых жанров, 7 рассматривают упрек как речевую стратегию или тактику, в 1 работе упрек упоминается как вид речевой агрессии, 3 предлагают авторские дефиниции упрека и еще 3 содержат синтетические термины, созданные путем сопряжения терминологии различных подходов. Таблица 1 представляет собой выборку, которая, на наш взгляд, позволяет наглядно продемонстрировать таксономическую и терминологическую неопределенность понятия упрека, а также иллюстрирует описанную во введении тенденцию к преобладанию прагмалингвистического подхода к упреку как языковому явлению.

а лишь описывают его “части”. На наш взгляд, ни опора на существующие в рамках разных подходов определения упрека, ни создание нового авторского определения не будут являться ответом на вопрос о сущности упрека. В границах нашего исследования нами принято решение дистанцироваться от идентификации упрека в русле того или иного подхода и использовать при работе с языковым материалом только одну семантическую характеристику, которая, как мы считаем, вписывается во все существующие определения упрека вне зависимости от научных убеждений их авторов.

Мы считаем, что упрек имеет двухкомпонентную природу. Первый компонент представляет собой речевое действие с общим значением обвинения, сущность которого, согласно словарной статье “Упрекать” Ю.Д. Апресяна и М.Я. Гловинской в “Новом объяснительном словаре синонимов русского языка”, может быть передана следующим рядом синонимичных глаголов: “укорять”, “попенять”⁵, “журить”, “осуждать”, “порицать”, “ругать”, “бранить”, “критиковать”, “бичевать”, “уличать”, “обличать”, “обвинять” [9, с. 1213]. Глагол “обвинять” и другие лексемы с корнем “вин-” являются, на наш взгляд, наиболее удачными отражениями первого компонента упрека. В пользу этой мысли говорит тот факт, что большинство толковых словарей не обходится при дефиниции упрека без лексем этого ряда (ср., например: [61, с. 704]; [62, с. 773–776]; [63, с. 507]; [64, с. 669]; [65, с. 970]).

Второй компонент представляет собой часть, передающую негативные чувства и содержащую в себе эмоциональную “уязвленность” субъекта высказывания. Примеры “*Профессор Фонарин поступил со мной вопиюще нечестно, точнее — он поступил как матерый подлец*” [И. Грекова. В вагоне (1983)] и “*Плохо ты поступил со мной, что и говорить, Лёничка, но я тебя давно простил, хоть ты, может быть, в это и не веришь*” [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)] содержат сходную информацию, что некто причинил вред субъекту высказывания. Таким образом, оба примера имеют семантику обвинения. Однако первое высказывание представляет собой “всего лишь” обвинительную констатацию, в то время как второе является ярко выраженным упреком.

⁵ В статье глагол представлен именно в таком виде: “уходящ. ПОПЕНЯТЬ [≈ НЕСОВ пенять 2]”: в качестве основной использована форма совершенного вида.

Таблица 1. Таксономические статусы упрека в работах разных авторов

Таксономический статус упрека		Работы
Речевой акт	Речевой акт упрека	Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. “Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)” (1997, [16, с. 417])
		Шилихина К.М. “Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах” (1999, [15, с. 69])
		Карасик В.И. “Язык социального статуса” (2002, [17, с. 116])
		Давыдова Т.А. “Речевой акт упрека в английском языке” (2003, [11, с. 6])
		Каразия Н.А. “Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры” (2004, [14, с. 64])
		Пугачева О.В. “Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации” (2008, [13, с. 134])
		Мухометзянова Ю.В. “Прагматический потенциал модальных высказываний (речевой акт упрека)” (2018, [12, с. 128])
	Оценочный речевой акт	Кожухова И.В., Валева С.Р. “Функциональные особенности выражения упрека в английском языке” (2012, [18, с. 72])
		Кременевская А.В. “Языковые средства выражения упрека в немецкоязычном и русскоязычном художественном дискурсе” (2014, [20, с. 85])
		Бачурка М.С. “Порицание: прагмалингвистический анализ” (2017, [19, с. 59])
	“Экспрессивный речевой акт порицания”	Трофимова Н.А. “Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ” (2008, [21, с. 255])
	Косвенный речевой акт	Ширапова С.Д., Лунева Н.П. “Косвенные речевые акты” (2008, [22, с. 132])
		Качалова Н.А. “Намек-упрек в форме иронии (на материале русскоязычной и немецкоязычной прессы)” (2012, [23, с. 55])
	Ликоугрожающий (оценочный, косвенный) речевой акт	Винантова И.В. “Структурные и прагматические особенности косвенных речевых актов со значением упрека, выраженных в форме вопроса (на материале английского языка)” (2009, [24, с. 77])
	“Речевой акт с общим значением осуждения”	Апресян Ю.Д. “Новый объяснительный словарь синонимов русского языка” (2003, [25, с. 683])
“Ассертивный (утвердительный) речевой акт, выражающий упрек”	Журавлева Н.Н. “Выражение интенции упрека с помощью ассертивного речевого акта в польском языке” (2007, [26, с. 93])	
Речевой жанр	Речевой жанр	Дубровская Т.В. «Речевые жанры “осуждение” и “обвинение” в русском и английском речевом общении» (2003, [28, с. 38])
		Дементьев В.В. “Теория речевых жанров” (2010, [29, с. 48])
		Максимюк Е.В. “Психоэмоциональное содержание жанра упрека (гендерный аспект)” (2017, [27, с.18])

Речевой жанр	“Речевые жанры, ориентированные на изменение поведения адресата или его раскаяние”	Федосюк М.Ю. “Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи” (1996, [32, с. 45–60]). Цитируется по Поляковой Е. В. (2001, [33, с. 25–26])
	“Речевой жанр, который обслуживает ситуации речевого неодобрения”	Стексова Т.И. Статья “Упрек” в “Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник” (2003, [30, с. 728])
	“Агрессивный субжанр”	Седов К.Ф. “Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации” (2005, [34, с. 96])
	“Речевой жанр, в основе которого лежит неодобрительно-оценочное отношение говорящего”	Лаврентьева Е.А. “Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве” (2006, [31, с. 81])
	Оценочный речевой жанр	Акимова Т.П. “Особенности реализации оценочных речевых жанров в эпистолярном тексте (на материале писем А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого)” (2009, [35, с. 64])
Речевая стратегия / тактика	“Речевая стратегия упрека”	Федорова А.Л. “Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков)” (2004, [36, с. 106])
	“Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека”	Шалацкий Д.Л. “Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека в политическом дискурсе” (2014, [37, с. 206])
	Тактика упрека	Шалина И.В. “Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд” (1998, [40, с. 109])
		Паршина О.Н. “Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России” (2005, [39, с. 114])
		Иссерс О.С. “Коммуникативные стратегии и тактики русской речи” (2008, [41, с.121])
Чернецкий А.Р. “Тактики упрека в прагмалингвистическом аспекте (на материале французского языка)” (2015, [38, с. 68])		
Речевая агрессия	“Слабое проявление вербальной агрессии”	Щербинина Ю.В. “Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления” (2004, [42, с. 63])
Авторские подходы	Лексический класс “осудительная речь”	“Русский семантический словарь” под ред. Н.Ю. Шведовой (1998, [44, с. 522–524])
	“Коммуникативная разновидность модальной семантики неодобрения”	Петрушина М.В. “Модальное значение неодобрения и его речевая реализация” (2005, [43, с. 11])
	“Семантический тип неодобрения”, “определенный тип эмоционально-оценочного отношения”	Джандалиева Е.Ю. “Вербальные реакции адресата на неодобрительные высказывания (на материале немецкого языка)” (2008, [45, с. 11, 22])
Синтеглический термин	“Коммуникативная тактика, реализующая стратегию манипуляции”	Гулакова И.И. “Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения” (2004, [47, с. 79])
	“Тактика речевой агрессии”	Власова Е.В. “Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века)” (2005, [46, с. 39])

Значение упрека достигается во втором при- но, прежде всего, приоритетом передачи эмо-
 мере не столько повышенным эмоциональным циональной “уязвленности” субъекта выска-
 фоном (обвинение тоже может его содержать), зывания над выражением обвинения. На наш

взгляд, именно второй компонент и делает упрек упреком, отграничивая его от других видов речевой агрессии.

Таким образом, исходя из задач и целей работы, мы будем считать упреком двухкомпонентное высказывание, содержащее обвинение и эмоциональную “уязвленность”. Одновременное наличие в высказывании обоих компонентов является облигаторным условием для отбора языкового материала исследования.

II.2. Упрек: субъектно-объектные взаимоотношения и коммуникативная цель

Как субъектно-объектные отношения, так и коммуникативная цель являются базовыми аспектами, находящимися в фокусе внимания исследователей упрека вне зависимости от подхода. Как и в случае таксономического статуса, оба аспекта являются, по сути, проявлениями контекста и не могут быть интерпретированы автономно. Взаимная интеграция данных аспектов в упреке предполагает их совместное рассмотрение, поскольку невозможно говорить об отношениях субъекта и объекта высказывания вне их коммуникативных целей, как и невозможно обсуждать коммуникативные цели вне существования субъектно-объектных отношений.

Терминология

1. В литературе по упреку субъект высказывания может обозначаться как “говорящий” и “адресант”; для объекта высказывания используется термин “адресат”. При цитировании мы будем сохранять авторскую терминологию, а в нашем собственном исследовании использовать термины “субъект” и “объект” высказывания.

2. Коммуникативная цель также имеет два синонимичных обозначения — коммуникативное намерение и коммуникативная интенция. Определение “коммуникативный” может заменяться на “вербальный” и “речевой”. Помимо этого, некоторые авторы отождествляют понятие коммуникативной цели с понятиями речевой стратегии и тактики. Во избежание излишней терминологической нагрузки в работе будет использовано только терминологическое сочетание “коммуникативная цель” (опять же с сохранением авторской терминологии при цитировании).

Дефиниции

Взаимоотношения субъекта и объекта — один из центральных вопросов философских, социологических и психологических исследований,

откуда эти концепты были заимствованы лингвистикой. Традиционно, вслед за философией, в субъектно-объектных отношениях лингвистами признавалась “активная” природа субъекта и “пассивная” объекта, по крайней мере в прототипическом случае. Однако все чаще философы (и вслед за ними лингвисты) говорят о существовании еще одного варианта взаимодействия — субъектно-субъектных отношений [48, с. 370]. В лингвистике чаще всего используется термин “межсубъектность” (intersubjectivity — англ.), подчеркивающий равную степень “активности” обоих участников ситуации [59]. Применительно к изучению упрека эта идея выглядит очень перспективной, поскольку позволяет “вывести из тени” объект высказывания и рассматривать его как прагматически равноправного (во всяком случае, равноважного) участника.

Таким образом, если традиционное описание взаимодействия субъекта и объекта в упреке предполагает одностороннюю доминирующую активность субъекта высказывания при пассивной, акцептной роли объекта, то модель субъектно-субъектных отношений характеризуется двусторонней активностью (хотя и необязательно при этом равнозначной). Немаловажной характеристикой субъектно-субъектных отношений является также способность субъектов к саморефлексии, которая полностью исключается в субъектно-объектных отношениях (ср. сходные выводы, к которым приходят исследователи социальной психологии, как в [49, с. 42]).

Коммуникативная цель — осознанный замысел, интеллектуальное предвидение, интуитивный расчет, внутренний ориентир, мысленная установка высказывания, а также анализ субъектом высказывания ожидаемого результата коммуникации, обращенность на этот результат [50, с. 254].

Двухкомпонентность упрека предполагает наличие, по крайней мере, двух облигаторных целей у субъекта высказывания: обвинение объекта высказывания и выражение эмоциональной “уязвленности” в связи с действиями объекта высказывания.

Основные лингвистические интерпретации субъектно-объектных отношений в упреке

Как было отмечено выше, анализ взаимодействия субъекта и объекта в упреке и их коммуникативных целей может быть осуществлен с двух позиций:

Таблица 2. Основные взгляды на взаимоотношения субъекта и объекта в упреке в работах разных авторов

Взгляд	Работы
Доминирующая природа субъекта во всех видах речевой агрессии	“Новый объяснительный словарь синонимов русского языка” под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна (2003, [25, с. 729])
	Воронцова Т.А. “Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход” (2006, [10, с. 36])
Коммуникативная цель субъекта – трансляция объекту упрека своей эмоциональной “уязвленности”, нежелательности ситуации для себя, наличия “обманутых ожиданий”	“Новый объяснительный словарь синонимов русского языка” под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна (2003, [25, с. 683–687, 1213–1219])
	Стексова Т.И. статья “Упрек” в “Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник” (2003, [30, с. 728–729])
Субъект считает, что объект упрека нарушил “соглашение” и/или преследует коммуникативную цель дать отрицательную оценку действиям объекта и скорректировать его поведение	Давыдова Т.А. “Речевой акт упрека в английском языке” (2003, [11, с. 10])
	Стексова Т.И. статья “Упрек” в “Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник” (2003, [30, с. 728–729])
	Каразия Н.А. “Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры” (2004, [14, с. 9])
	Федорова А.Л. “Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков)” (2004, [36, с. 106])
	Петрушина М.В. “Модальное значение неодобрения и его речевая реализация” (2005, [43, с. 74])
	Журавлева Н.Н. “Выражение интенции упрека с помощью асертивного речевого акта в польском языке” (2007, [26, с. 93])
	Пугачева О.В. “Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации” (2008, [13, с. 135, 139])
Реальный или представляемый иерархический (возрастной, социальный, экономический и т.п.) статус субъекта выше / равен / не имеет значения по отношению к статусу объекта упрека	“Новый объяснительный словарь синонимов русского языка” под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна (2003, [25, с. 1213])
	Давыдова Т.А. “Речевой акт упрека в английском языке” (2003, [11, с. 73])
	Стексова Т.И. статья “Упрек” в “Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник” (2003, [30, с. 728–729])
	Трофимова Н.А. “Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ” (2008, [21, с. 272])
Винантова И.В. “Структурные и прагматические особенности косвенных речевых актов со значением упрека, выраженных в форме вопроса (на материале английского языка)” (2009, [24, с. 78])	

1. Субъект “упрекает” объект. Роль субъекта упрека доминантна, его коммуникативные цели первичны, роль объекта игнорируется или признается акцепторной.

2. Субъект и объект анализируются в системном взаимодействии своих ролей и коммуникативных целей в высказывании. Объект становится “вторичным” субъектом высказывания.

Таблица 3. Основные взгляды на взаимоотношения субъекта и субъекта в упреке в работах разных авторов

Взгляд	Работы
Помимо субъекта, выражающего упрек, в высказывании присутствует субъект-интерпретатор, декодирующий упрек	Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. “Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)” (1997, [16, с. 405–425]) Федорова А.Л. “Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков)” (2004, [36, с. 106])
Выделены следующие типы реакции субъекта на упрек: согласие, аргументация, игнорирование, взаимный упрек, исправление, оправдание, извинение, вопрос, возражение, одергивание	Джандалиева Е.Ю. “Вербальные реакции адресата на неодобрительные высказывания (на материале немецкого языка)” (2008, [45, с. 23])
Выделены следующие типы реакции субъекта на упрек: 1. При “эффективной реализации тактики упрека”: “выражение согласия (в том числе безмолвного) с говорящим, попытка умирить его пыл, отрицание нежелательной для говорящего информации, отсутствие сопротивления, безоговорочное выполнение его воли, выражение извинения, раскаяние”; 2. При “малоэффективной реализации тактики упрека”: “смена темы, слабо выраженный протест, попытка выражения безразличного отношения к конфронтационному действию”; 3. При “неэффективной реализации тактики упрека”: “обоснование своего поведения или поступка, металингвистический комментарий высказывания говорящего, реализующего тактику упрека, нежелание подчиняться его воле, реакции, выражающие незапланированный эффект”	Чернецкий А.Р. “Тактики упрека в прагмалингвистическом аспекте (на материале французского языка)” (2015, [38, с. 71])

Первый (субъектно-объектный) подход традиционен и на настоящее время превалирует в лингвистической литературе по упреку. В таблице 2 представлены основные взгляды на взаимоотношения субъекта и объекта в упреке.

Второй (субъектно-субъектный) подход не получил достаточного распространения в исследованиях по упреку и ограничен небольшим кругом работ. В таблице 3 представлены основные взгляды на взаимоотношения субъекта и субъекта в упреке.

Таким образом, взгляды исследователей на содержательную сторону упрека (таксономический статус, взаимоотношения субъекта и объекта, коммуникативные цели) отличаются многообразием. Однако вне зависимости от общенаучных установок исследователя и его подхода к упреку как языковому явлению все аспекты содержательной стороны упрека в названных работах рассматриваются на основании контекста, наличие которого априорно

признается обязательным условием существования упрека.

III. Контекстуальные и “ингерентные” упреки

Итак, представленные выше работы имеют общей чертой отношение к упреку как к явлению, обусловленному контекстом, и содержат в себе два негласных допущения:

1) Практически любое высказывание в определенном контексте может выступать в качестве упрека;

2) Существование упрека вне контекста невозможно.

Первый постулат, вообще говоря, не вызывает сомнений – упрек действительно может формироваться средствами контекста, и приведенные выше работы вполне доказывают это. Однако, на наш взгляд, невозможно согласиться со вторым постулатом об *облигаторной* зависимости упрека от контекста. Существование в языке многочисленных примеров высказываний, которые могут

быть восприняты как упрек вне какой бы то ни было прагматической информации о статусе субъекта, близости его отношений с объектом, обстоятельствах, предшествовавших упреку (пресуппозиции), коммуникативной цели субъекта и т.д., указывают на ошибочность этого тезиса. Так, например, языковая интуиция предсказывает, что любые фразы вида *“А еще друг называется!”* будут восприниматься как упрек вне зависимости от того, в каком контексте разворачивается речевая ситуация. Данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ, [51]) подтверждают эту догадку. Ввод в лексико-грамматический поиск НКРЯ конструкции *“а + еще + существительное (Им. п.) + называться (в необходимой личной форме)”* предоставит в распоряжение исследователя 47 единиц выдачи по всем корпусам, при этом все примеры будут иметь семантику упрека, ср.: *“На вот, дрожит, как лист осиноый, а еще мужик называется”* [Федор Абрамов. Две зимы и три лета (1968)].

Неединичность подобных примеров в языке позволяет сделать два вывода:

1) Помимо упреков, выраженных контекстуально, в русском дискурсе существуют, так сказать, “ингерентные” упреки, то есть такие, которые могут быть поняты автономно, вне контекста⁶;

2) Существование “ингерентных” упреков предполагает существование в языке (на абстрактном уровне) конструкций упрека, которые реализуются в дискурсе (на конкретном уровне) формальными средствами выражения упрека.

IV. Грамматика конструкций и метод визуализации “ингерентных” упреков с помощью корпусных инструментов

Термин “конструкции” упрека используется нами в рамках понятийного аппарата “грамматики конструкций” (англ. — “construction grammar”; см. об этом подробнее [52]; [53]; [54], а также на русском [55]). Мы разделяем мнение многих лингвистов, что грамматика конструкций представляет собой важнейший инструмент дискурсивного анализа, поскольку дискурс формируется не из отдельных лексем, а из сложного взаимодействия различных конструкций между собой (ср. [56, с. 48]). Факт существования абстрактных конструкций упрека и их реализаций в дискурсе должен

означать, что на основании базового свойства формальных средств выражения — регулярности — существует возможность разработки метода, позволяющего “визуализировать” функционирование “ингерентных” упреков в русском дискурсе.

Такой метод, на наш взгляд, должен сочетать в себе подходы грамматики конструкций и корпусной лингвистики и включать в себя следующие этапы:

1) Этап предварительного сбора материала. На основании своей языковой интуиции исследователь создает экспериментальный список потенциальных конструкций упрека. Исследователь не ограничивает себя каким-то определенным видом дискурса или типом источников. В нашей работе основным источником служил НКРЯ, что не является обязательным условием этого этапа.

2) Этап корпусного поиска. Каждая потенциальная конструкция упрека вводится в лексико-грамматический поиск на базе разработанной для исследования унифицированной процедуры. При этом исследуется “реакция” корпуса. Основным критерием является *специфичность* поисковой выдачи к упреку. Под специфичностью понимается процентное соотношение результатов выдачи с семантикой упрека к примерам вне этой семантики. Потенциальная конструкция, специфичность которой составила 90–100% результатов выдачи с семантикой упрека, признается действительной конструкцией упрека, а сами результаты — “ингерентными” упреками, выраженными формальными средствами и способными функционировать в дискурсе автономно вне контекста. Идея исследования зиждется на аналогии с системными грамматическими средствами языка: основным критерием их формальности является регулярность. В случае грамматики эта регулярность может быть выявлена методом прямого наблюдения. Однако применительно к формальным средствам упрека метод прямого наблюдения не работает, поскольку “концентрация” упрека в дискурсе крайне незначительна по сравнению с системными средствами. Национальный корпус русского языка предоставляет исследователю возможность “визуализации” формальных средств выражения упрека (а следовательно, и самих “ингерентных” упреков), так как не только является репрезентативным “вместилищем” массивов языковых данных, но и функционирует как интеллектуальная система

⁶ Здесь и далее в работе термин “ингерентные” упреки используется в этом понимании.

лингвистического поиска, позволяющая благодаря различным видам разметки формировать в этих массивах сложные неоднородные поисковые запросы. Специфичность корпусной выдачи к упреку более 90% на конструкцию указывает, на наш взгляд, на регулярность, а следовательно на формальную природу конструкции и всех результатов выдачи как ее реализаций.

V. Представление результатов визуализации конструкций упрека с помощью корпусных инструментов

Ниже представлен экспериментальный список конструкций, чья специфичность к упреку при вводе в лексико-грамматический поиск НКРЯ составила более 90% выдачи, а также примеры их реализации в русском дискурсе. Представленная статистика актуальна на февраль 2020 г. В связи с техническими особенностями корпусного поиска, проблемой субъективности интерпретации данных дискурсивного анализа и постоянным приростом текстов в корпусе цифры выдач могут колебаться, процент специфичности конструкции к упреку в этих случаях будет также меняться. Однако в условиях данного исследования речь идет об отражении тенденции к регулярности, а не о статистике точных цифр, что позволяет считать представленные данные объективными.

“Ингерентные” упреки, имеющие в своей основе “отрицательную перформативность”

1.

“*не упрекаю, но...*”

N вхождений / N вне семантики упрека:

5 вхождений / 0 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

100%

Пример реализации в дискурсе:

“*Зачем вы затеяли все это? Я не упрекаю вас, — но все было так ясно и достойно.*” [Е.Л. Шварц. Дракон (1943)]

Интерпретация результатов:

Как было сказано выше, лексемы с корнем “упрек—” в норме не обладают перформативностью и являются классическим примером “иллокутивного самоубийства” [8]. Таким образом, очевидно, что фразы типа “*Я упрекаю тебя, что ты затеял это*” не способны выражать упрек. Однако в работе Т.В. Булыгиной

и А.Д. Шмелева “Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)” предсказана возможность передачи семантики упрека посредством глагола “упрекать” с отрицанием: “Напротив, с отрицанием этот глагол естественным образом употребляется в 1 л. настоящего времени: *Я не упрекаю вас, но...*” [16, с. 413]. Данные НКРЯ подтверждают это предсказание — в случае “отрицательной перформативности” — глагол “упрекать” демонстрирует 100%-ю специфичность к упреку.

“Ингерентные” упреки, имеющие в своей основе “модальный оператор неодобрения” [43, с. 84]

2.

“*ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты*”

N вхождений / N вне семантики упрека:

158 вхождений / 0 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

100%

Пример реализации в дискурсе:

“— *Ну и крохобор ты, Степк! — сплюнул Федор — Дай награду тебе, да еще мзду в карман.*” [Евгений Носов. Шопен, соната номер два (1973)]

Интерпретация результатов:

Прообраз конструкции приведен М.В. Петрушиной [43, с. 84] в качестве иллюстрации введенного ею термина “модальный оператор неодобрения”. Модификация примера исследователя в конструкцию упрека осуществлена нами. Данные НКРЯ подтверждают высокую специфичность конструкции. В пользу вывода, что конструкция способна реализовывать “ингерентный” упрек в русском дискурсе, говорит существование ее инверсионного варианта с чуть меньшим, но также высоким уровнем специфичности к упреку:

3.

“*ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией*”

N вхождений / N вне семантики упрека:

67 вхождений / 2 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

97%

Пример реализации в дискурсе:

“*Ну ты и наглец, еще сам сюда приперся!*” [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]

4.

“что + ты + за + существительное с отрицательной коннотацией”

N вхождений / N вне семантики упрека:

37 вхождений / 0 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

100%

Пример реализации в дискурсе:

“Да что ты за дура такая, ведь по-русски тебе говорю, что я ничего не могу сделать, что же ты пристаешь” [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород (1857)]

Интерпретация результатов:

Еще одна конструкция, прообразом которой стал пример “модального оператора неодобрения” из диссертации М.В. Петрушиной [43, с. 84]. На первый взгляд, наличие в конструкциях 2–4 компонента “существительное с отрицательной коннотацией” ставит под сомнение их функционирование в качестве упрека и заставляет отнести эти конструкции к другому виду речевой агрессии – оскорблению. Здесь, на наш взгляд, необходимо пояснение.

Проблема разграничения упрека от других видов речевой агрессии является, в первую очередь, следствием системной проблемы субъективизма интерпретации данных дискурсивного анализа. Упрек с высоким уровнем эмоционального накала действительно трудно отличим от оскорбления, в то время как на слабом эмоциональном фоне может сливаться с “журением” или доброжелательной иронией. Ср.: “Увидев готовую машину, он дружески обернулся к техникам: – Небось, опять не отдыхали? Всю ночь возились? – Так точно, товарищ капитан.” [Н.Ф. Гильярди. Борис Сафонов (1950)]. Представляется трудным в рамках статьи полноценно осветить данный вопрос, однако наличие в конструкции элемента оскорбления или других близких упреку семантических полей не является чем-то удивительным для этого языкового явления. Непосредственно в случае описанных конструкций следующие аргументы могут служить в защиту их “упречной” природы:

1) Оскорбление – это всегда прямая констатация факта отрицательных качеств объекта: “Ты – дура!”. Однако примеры типа “Ну и дура же ты!”, “Ну ты и дура!” или “Что же ты за дура?” не являются такой констатацией, а в большей мере выражают эмоциональную

“уязвленность” субъекта высказывания, что соответствует семантике именно упрека.

2) Оскорбление в отличие от упрека предполагает строго конфликтную “стратегию”, но в подобных примерах она отсутствует. Скорее оттенок удивления, надежды на то, что объект еще может скорректировать свое поведение (что, кстати, является одной из типичных характеристик упрека в прагмалингвистических работах).

Таким образом, наличие дополнительных семантических оттенков не препятствует, по нашему мнению, возможности квалифицировать конструкции 2–4 как формальные средства выражения “ингерентных” упреков.

“Ингерентные” упреки, имеющие в своем составе одушевленные существительные

5.

“ну + что + за + одушевленное существительное”

N вхождений / N вне семантики упрека:

182 вхождения / 8 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

95,6%

Пример реализации в дискурсе:

“О, боже, ну что за люди. Что вообще можно сказать о людях, которые пьют хреновуху?” [Едальня “Прогноз погоды” (форум) (2007)]

6.

“тоже + мне + одушевленное существительное”

N вхождений / N вне семантики упрека:

840 вхождений / 35 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

95,8%

Пример реализации в дискурсе:

“Я что, специально горбатилась тридцать лет, чтобы ты тут, такой красивый, на моём диване лежал? **Тоже мне, дуру** нашли. Выметайся из моего дома” [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)]

Конструкции 5–6 объединяет присутствие в качестве компонента одушевленного существительного. Примеры реализации этих конструкций в дискурсе выбраны таким образом, чтобы подчеркнуть факультативность пейоративной лексики в составе такого упрека. Семантика упрека достигается в подобных случаях именно с помощью структуры самой конструкции, порождающей антифразис, а не облигаторного использования пейоративов.

Ср.: *“Тожэ мне, злоумышленники гребаные!”* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // “Знамя”, 2010] и *“Тожэ мне герой труда!”* [Марк Борозин. Ударная комсомольская пятерка по сопромату // “Техника – молодежи”, 1974]

“Ингерентные” упреки, имеющие в своем составе личные местоимения в сочетании с частицами и/или вопросительно-относительными местоимениями.

7.

“тебе + лишь бы + инфинитив”

N вхождений / N вне семантики упрека:

18 вхождений / 0 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

100%

Пример реализации в дискурсе:

«Тебе лишь бы показать: “Вот, Нина, я сделал!”» [Павел Санаев. Похороните меня за плинтусом (1995) // “Октябрь”, 1996]

Интерпретация результатов:

Данная конструкция является показательным примером высокой специфичности сочетания “местоимение + частица” при оформлении упрека. Особое место занимает в таких конструкциях личное местоимение 2 лица ед. ч., а также модальные частицы (прежде всего усилительные, вопросительные и ограничительные); нередко встречается формообразующая частица сослагательного наклонения “бы”. Сочетание “личное местоимение + частица” может выступать также “фоном” для других самостоятельных конструкций (см. примеры в списке).

“Ингерентные” упреки, имеющие в своем составе обстоятельства “длительного и регулярно времени” + личные местоимения 2 лица.

8.

“зачем + ты + постоянно”

N вхождений / N вне семантики упрека:

11 вхождений / 0 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

100%

Пример реализации в дискурсе:

“Зачем ты мне постоянно это снова и снова напоминаешь?” [Евгений Гришковец. Город (2001)]

9.

“зачем + личное местоимение 2 лица Им. п. + снова”

N вхождений / N вне семантики упрека:

59 вхождений / 3 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

94,9%

Пример реализации в дискурсе:

«Зачем же вы позволили ему снова работать на износ – сняться в вашем фильме “Стая”, поставить самому “Чулимск”?» [Серова Мила. Анна Легчилова: стерва – Это Комплимент // Труд-7, 2007.02.16]

10.

“зачем + ты + всегда”

N вхождений / N вне семантики упрека:

14 вхождений / 1 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

92,8%

Пример реализации в дискурсе:

“Зачем ты всегда ешь не вовремя? По той причине только аппетит портишь.” [Д.Т. Ленский. Хороша и дурна, и глупа и умна (1833)]

11.

“вечно + личное местоимение 2 лица Им. п. + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени”

N вхождений / N вне семантики упрека:

154 вхождения / 13 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

91,5%

Пример реализации в дискурсе:

“Мало тебе хлопот, вечно ты ищешь приключений на свою голову” [Александра Маринина. Не мешайте палачу (1996)]

12.

“опять + личное местоимение 2 лица Им. п. + личное местоимение 1 лица Д. п. / Вин. п. / Тв. п. / Пр. п.”

N вхождений / N вне семантики упрека:

71 вхождение / 7 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

90,1%

Пример реализации в дискурсе:

“– Нава, – сказал Кандид, – опять ты мне эту историю рассказываешь. Ты мне ее уже двести раз рассказывала” [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Улитка на склоне (1966–1968)]

Интерпретация результатов:

Конструкции отражают весьма типичные черты формальных средств выражения упрека. Прежде всего, речь идет об использовании обстоятельств, передающих длительность действия или состояния: *постоянно, снова, всегда, вечно, опять, никогда, всякий раз, всю жизнь, день и ночь, до окончания веков, всякий час, до морковкина заговенья, в который раз, опять двадцать пять, в очередной раз, без конца, круглые сутки, всю дорогу, лучшие годы* и др. Другой показательной чертой является присутствие личных местоимений и оформление (см. конструкции 8–10) в виде специального вопроса с местоименным наречием “зачем”, что также часто служит средством выражения упрека в дискурсе.

“Ингерентные” упреки, имеющие в своем составе союз “а еще”

13.

“а + еще + существительное (Им. п.) + называться (в необходимой личной форме)”

N вхождений / N вне семантики упрека:

47 вхождений / 0 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

100%

Пример реализации в дискурсе:

“А еще полиция называется: законов не знают, а туда же... людей арестовывают у вас юридического образования хватает... черт знает что!” [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)]

Интерпретация результатов:

Сочетание “а + еще + существительное” имеет большой потенциал для оформления “ингерентного” упрека. Ядрообразующим в этих конструкциях является союз “а еще”. Согласно словарю Т.Ф. Ефремовой, “а еще” используется “при присоединении части предложения, в которой выражается несоответствие с оттенком допущения, укоризны, иронии, осуждения” [60], что фактически является характерной чертой упрека. Чтобы продемонстрировать высокий “упречный” потенциал сочетания “а + еще + существительное”, мы включили в список еще одну конструкцию этого плана с меньшей, но также высокой специфичностью к упреку.

14.

“а + еще + существительное (Им. п., одушевленность) + !”

N вхождений / N вне семантики упрека:

352 вхождений / 9 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

97,4%

Пример реализации в дискурсе:

“— Какой негодяй! А ещё старик! Чего же вы теперь хотите? — ласково спросил адвокат Язычников” [А.Т. Аверченко. Ниночка (1910–1911)]

“Ингерентные” упреки, имеющие в своем составе лексемы, “предрасположенные” к семантике упрека

1) Лексемы, выражающие значение “бесполезно, бессмысленно, тщетно”.

15.

“напрасно + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)”

N вхождений / N вне семантики упрека:

1644 вхождения / 64 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

96%

Пример реализации в дискурсе:

“— Я польщен, конечно, вашей попыткой свести все на евреев, но напрасно вы думаете, что русским ничто не угрожает” [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]

Интерпретация результатов:

Как и все лексемы, “предрасположенные” к семантике упрека, “напрасно” в сочетании с личными местоимениями 2 лица с большой вероятностью способно передавать в дискурсе упрек автономно, без привлечения контекста.

16.

“зря + личное местоимение (2 лицо)”

N вхождений / N вне семантики упрека:

2032 вхождений / 169 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

91,6%

Пример реализации в дискурсе:

“И зря ты, мил человек, колбасу брезгуешь покушать” [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // “Октябрь”, 2001]

Интерпретация результатов:

169 вхождений, не входящих в семантику упрека, представляют собой три условные группы:

1) отрицательные конструкции с частицей “не” перед “зря” (“— *Не зря ты носишь свое имя, — хвалил его Праву*” [Юрий Рытхэу. В долине Маленьких Зайчиков (1962)]);

2) конструкции с неявно выраженной семантикой упрека в составе прямой речи (“— *Вы зря уезжаете, — усмехается она. — Вы очень вписываетесь в эту обстановку, — она обводит рукой вокруг*” [Булат Окуджава. Новенький как с иголочки (1962)]);

3) конструкции, где “зря” — это деепричастие в значении “видя” (“*Благословите ж, все языки, / Днесь Бога нашего, и вы, / Зря чудеса Его велики, / Хвалите, преклоня главы*” [Г.Р. Державин. На преодоление врага (1811.07.16) // Г.Р. Державин. Духовные оды. М.: Ключ, 1993]).

Возможность систематизации результатов, находящихся вне семантики упрека, и четкого их отграничения от примеров, передающих значение упрека, демонстрирует, на наш взгляд, потенциал использования принципов грамматики конструкций применительно к выявлению формальных средств выражения упрека.

2) Лексемы, выражающие значение “заслуженно, справедливо, неизбежно”.

17.

“*поделом* + личное местоимение (Д. п.)”

N вхождений / N вне семантики упрека:

294 вхождения / 1 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

99,6%

Пример реализации в дискурсе:

“*И поделом старой дуре! поделом ей за то, что себе, на старость лет, ничего не припасала, а все детям да детям откладывала! пускай с сумой по дворам таскается!*” [М.Е. Салтыков-Щедрин. Благонмеренные речи (1872–1876)]

Интерпретация результатов:

Конструкция имеет высокую специфичность к упреку. Согласно данным НКРЯ, характерной чертой для сочетаний с лексемой “*поделом*” являются примеры, представляющие собой самоупреки типа “*поделом + мне*”: “*А я и подарка его сберечь не сумела. Гадкая, дурная, поделом мне!*” [Л.А. Чарская. Приключения Таси (1905–1915)].

18.

“*так* + личное местоимение 2-го лица (Д. п.)
и + *надо*”

N вхождений / N вне семантики упрека:

255 вхождений / 1 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

99,6%

Пример реализации в дискурсе:

“*Так тебе и надо, дуре, — придумала себе развлечение*” [Вацлав Михальский. Для радости нужны двое (2005)]

Интерпретация результатов:

Конструкция иллюстрирует еще одно свойство упрека как явления — высокое сродство к модальности. Ядрообразующим элементом в описанной конструкции является предикативное наречие “*надо*”, выражающее модальность долженствования. Модальность может быть как основным средством выражения упрека (подобно тому, как это реализуется в данной конструкции), так и “фоном” в самостоятельных конструкциях с собственными средствами выражения (см. примеры в списке).

“**Ингерентные**” упреки, имеющие в своей основе причинный компонент

19.

“*Всё из-за тебя*”

N вхождений / N вне семантики упрека:

174 вхождения / 9 вне семантики упрека.

Специфичность к упреку:

94,8%

Пример реализации в дискурсе:

“*И ведь все из-за тебя, Тиша, ну как тебе не стыдно?*” [К.А. Федин. Первые радости (1943–1945)]

При вводе в корпус предложное сочетание “*из-за + личное местоимение 2 лица*” наравне с результатами, однозначно идентифицируемыми как упреки, демонстрирует также значительное количество примеров вне семантики упрека. Однако “предрасположенность” этого сочетания к семантике упрека очевидна: генерализация с помощью добавления местоимения “*все*” предоставляет в распоряжение исследователя конструкцию упрека с 94% специфичностью. Поскольку, согласно нашему определению, упрек двухкомпонентен, содержит обвинительную часть и “эмоциональную уязвленность” субъекта высказывания, проблема интерпретации результатов проявляет себя в конструкции “*Все из-за тебя*” следующим образом.

Во-первых, примеры типа “— *Это все из-за тебя! — обиделся Витя на Борю*” [обобщенный. Клуб “Юный химик” // “Химия и жизнь”, 1969] и “— *Это все из-за тебя, ссучка! Оскорбление было обидным, незаслуженным, я не имела отношения к несчастью бело волосой девушки*” [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // “Волга”, 2009] имеют сильный обвинительный компонент, что позволяет усомниться в их “упречной” природе и отнести к более конфликтным видам агрессии. Контекст в приведенных примерах не только не помогает прояснить ситуацию, но и вносит дополнительную путаницу. Оценочные авторские характеристики “*обиделся*” и “*оскорбление*” указывают на разные виды речевой агрессии, хотя относятся к примерам, имеющим однородную природу.

Во-вторых, примеры типа “*Ведь если я, старая дура, и хлопочу, и сержусь, так это все из-за тебя, сокровище ты мое!..*” [Е.П. Ростопчина. Палаццо Форли (1854)] и “— *Так это все из-за тебя? — упавшим голосом спросил Кузнечик*” [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)] демонстрируют слабый обвинительный компонент, что также представляется определенным препятствием для восприятия их как проявлений речевой агрессии в общем и упрека в частности.

Все подобные случаи мы относим к семантическому полю изучаемого явления, поскольку ключевым для упрека, на наш взгляд, является не “сила” обвинения, а обязательное наличие обоих компонентов — обвинения и “эмоциональной уязвленности” субъекта.

20.

“я + *ведь* + глагол речи (прошедшее время)”
90,4%

N вхождений / N вне семантики упрека:

336 вхождений / 32 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

90,4%

Пример реализации в дискурсе:

“*И я ведь просил обойтись без комментариев не по существу*” [О девушках (форум) (2005)]

Интерпретация результатов:

Согласно данным НКРЯ, вне зависимости от своей частеречной принадлежности (частица или союз) “*ведь*” часто оформляет упрек в русском дискурсе. Как самостоятельное

формальное средство “*ведь*”, на наш взгляд, используется в упреке редко. Обычно лексема является причинным “фоном” в конструкциях упрека различного генеза (см. примеры в списке).

“Ингерентные” упреки, имеющие в своей основе отрицание прав объекта на совершение действия

21.

“как + личное местоимение (2 лицо) + *сметь* (2 лицо)”

N вхождений / N вне семантики упрека:

1763 вхождений / 8 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

99,5%

Пример реализации в дискурсе:

“*Как ты смеешь говорить, что я всю жизнь жил по чужой указке?*” [Василий Аксенов. Звездный билет // “Юность”, 1961]

22.

“какое право + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)”

N вхождений / N вне семантики упрека:

73 вхождения / 1 вне семантики упрека

Специфичность к упреку:

98,6%

Пример реализации в дискурсе:

“— *А вам не кажется, что это чересчур, любезнейший? Какое право вы имеете мне хамить?*” [А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша (2004)]

Интерпретация результатов:

Упреки, отрицающие право объекта на действие, родственны по своей природе упрекам, содержащим причинный компонент. И те, и другие представляют собой апелляцию субъекта к мнимым или реальным основаниям упрека. В упреках такого вида на первый план выходят субъектно-объектные отношения, выраженные, однако, средствами самих конструкций, а не контекстуально. Очевидно, что в предложении “*Но по какому праву вы так разговариваете со мной?*” [Владимир Брагин. В стране дремучих трав (1962)] субъект упрека считает свой статус более высоким, наделяет себя “полномочиями” оценивать действия объекта, испытывает “эмоциональную уязвленность” от нарушения объектом некоего “права”. И хотя в этом примере нет никакой

контекстной информации о взаимоотношениях субъекта и объекта, их реальных статусах, об обстоятельствах высказывания, экстралингвистических факторах и т.д., он однозначно воспринимается сознанием носителя русского языка как упрек за счет формальных средств самой конструкции.

VI. Выводы

Подводя итог сказанному, следует отметить:

1) Необходимо признать, что на настоящий момент формальная сторона упрека как явления русского дискурса изучена гораздо в меньшей степени, чем его содержательная сторона. В то же время, в последнее десятилетие наблюдается тенденция существенного уменьшения количества работ, посвященных семантике упрека. Причину этому следует, на наш взгляд, искать не в том, что изучение упрека в целом находится в стадии завершения, а в том, что этап исследования содержательной стороны этого явления подходит к концу. Следующим логичным шагом должно, по нашему мнению, стать изучение упрека как явления, имеющего свое формальное выражение в языке.

2) Ключевым подходом, в русле которого были созданы исследования по упреку последних десятилетий, был и остается прагмалингвистический подход с его вниманием к *homo loquens*, обыденному языку, экстралингвистическим факторам и т.д. Не вызывает удивления, что подавляющая часть исследований по упреку основывается на таких прагмалингвистических аспектах, как таксономия упрека, субъектно-объектные отношения в упреке и коммуникативная цель упрека.

3) Таксономия упрека – вопрос в настоящее время по-прежнему открытый. В зависимости от принадлежности исследователя к тому или иному подходу упрек описывается с позиций терминологического и таксономического аппарата этого подхода. Однако на сегодняшний день не существует универсального определения упрека, которое устраивало бы лингвистов всех направлений. Решение вопроса о сущности упрека как языкового явления нам видится не в выборе одного из имеющихся определений в рамках какого-либо из направлений или в создании авторского определения, а в опоре на ключевую черту упрека, которая не противоречила бы существующим дефинициям упрека в разных подходах. Такой чертой, на наш взгляд, является двухкомпонентная

структура упрека, содержащая обвинительный компонент и выражение эмоциональной “уязвленности” субъекта высказывания.

4) Субъектно-объектные отношения и коммуникативная цель в упреке представляют собой единый комплекс прагматических аспектов, который рассматривается лингвистами по-разному. Общим можно назвать признание доминирующей природы субъекта; выражение субъектом отрицательных эмоций как реакции на действия объекта; восприятие субъектом ситуации как нежелательной; наличие у субъекта “обманутых ожиданий”; представление субъекта о нарушении объектом некой “конвенции”; стремление субъекта дать отрицательную оценку действиям объекта и скорректировать его поведение; восприятие субъектом своего статуса как более высокого или равного по отношению к статусу объекта. В то же время, в некоторых работах отношения в упреке рассматриваются как субъектно-субъектные. В этом случае исследуются реакции объекта на упрек, а также фигура “интерпретатора” упрека, что представляет перспективное направление в изучении данного явления.

5) Изучение таксономии, субъектно-объектных отношений, коммуникативной цели невозможно без обращения к контексту. Вне зависимости от научного подхода во всех известных нам исследованиях контекст признается ключевым фактором для понимания семантики упрека. Это, в свою очередь, приводит к априорному постулату об облигаторной зависимости упрека от контекста. На наш взгляд, согласиться с данным тезисом нельзя. Да, контекст способен “превратить” фактически любое высказывание в упрек, и нет, – упрек совершенно необязательно формируется средствами контекста. Мы предлагаем термин “ингерентные” упреки, то есть такие, чье значение может быть понято без обращения к контексту высказывания. Существование “ингерентных” упреков предполагает наличие формальных средств, с помощью которых такие упреки реализуются в дискурсе, что, в свою очередь, позволяет признать возможным существование абстрактных конструкций упрека.

6) Совмещение принципов грамматики конструкций и корпусных инструментов является методом, с помощью которого формальные средства выражения упрека могут быть “визуализированы” на основе массивов корпусных данных, что должно предоставить

в распоряжение лингвистов ценные сведения о формальной стороне упрека как языкового явления.

7) В исследовании в виде экспериментального списка конструкций (см. раздел V данной работы) представлены практические результаты корпусного исследования, подтверждающие существование “ингерентных” упреков, являющихся конкретными реализациями абстрактных конструкций упрека и способных функционировать в русском дискурсе автономно от контекста.

Таким образом, прагмалингвистические исследования последних десятилетий, имеющие в своем ядре представление о контексте как облигаторном условии для функционирования упрека, позволили к настоящему моменту собрать ценные сведения о содержательной стороне явления. Мы убеждены, что интеграция подходов грамматики конструкций и инструментов корпусной лингвистики является эффективным методом изучения формальной стороны упрека и имеет серьезный потенциал для аналогичных исследований языковых явлений иной природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Austin J.L.* How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955 // (eds. J. O. Urmson and Marina Sbisa), Oxford: Clarendon Press, 1962.
2. *Searle J.R.* What is a speech act? In: “Philosophy in America” ed. Max Black, London, Alien and Unwin, 1965, p. 221–239.
3. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С.22–129.
4. *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151–169.
5. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
6. *Шмелева Т.В.* Речевой жанр // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 573–574.
7. *Ерохина Е.Г.* К содержанию понятия “Речевая стратегия” в исследовании письменного дискурса // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2 (27). С. 277–281.
8. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.
9. *Апресян Ю.Д., Гловинская М.Я.* Упрекать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа “Языки славянской культуры”, 2003. С. 1213–1219.
10. *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19. Челябинск, 2006. 296 с.
11. *Давыдова Т.А.* Речевой акт упрека в английском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. Иркутск, 2003. 161 с.
12. *Мухометзянова Ю.В.* Прагматический потенциал модальных высказываний (речевой акт упрека) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2018. № 42. С. 125–130.
13. *Пугачева О.В.* Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 134–139.
14. *Каразия Н.А.* Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. Петропавловск-Камчатский, 2004. 214 с.
15. *Шилихина К.М.* Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. Воронеж, 1999. 175 с.
16. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. 576 с.
17. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. 333 с.
18. *Кожухова И.В., Валеева С.Р.* Функциональные особенности выражения упрека в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 72–75.

19. *Бачурка М.С.* Порицание: прагмалингвистический анализ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2017. № 5–3 (71). С. 59–61.
20. *Кременевская А.В.* Языковые средства выражения упрека в немецкоязычном и русскоязычном художественном дискурсе // *Теоретические предпосылки и специфика формирования языковой личности в условиях инновационного развития высшего образования: 3 научно-практический семинар (Минск, 25 апреля 2014 года): сборник материалов / БГУ, филологический фак.; [под общ. ред. С.С. Котовской]. Минск: БГУ, 2014. 161 с. С. 85–92.*
21. *Трофимова Н.А.* Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
22. *Ширапова С.Д., Лунева Н.П.* Косвенные речевые акты // *Вестник БГУ. Язык, литература, культура.* 2008. № 11. С. 130–134.
23. *Качалова Н.А.* Намек-упрек в форме иронии (на материале русскоязычной и немецкоязычной прессы) // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.* 2012. № 2–2. С. 54–57.
24. *Винантова И.В.* Структурные и прагматические особенности косвенных речевых актов со значением упрека, выраженных в форме вопроса (на материале английского языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2009. № 2 (4). С. 77–79.
25. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа “Языки славянской культуры”, 2003. 1488 с.*
26. *Журавлева Н.Н.* Выражение интенции упрека с помощью ассертивного речевого акта в польском языке // *Вестник МДПУ імя І.П. Шамякіна.* 2007. № 2 (17). С. 93–97.
27. *Максимюк Е.В.* Психоэмоциональное содержание жанра упрека (гендерный аспект) // *Вестник ТГПУ.* 2017. № 11 (188). С. 18–24.
28. *Дубровская Т.В.* Речевые жанры “осуждение” и “обвинение” в русском и английском речевом общении: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. Саратов, 2003. 233 с.
29. *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
30. *Стексова Т.И.* Упрек // *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 728–729.*
31. *Лаврентьева Е.А.* Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01. Новосибирск, 2006. 261 с.
32. *Федосюк М.Ю.* Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи // *Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Т. 1. Екатеринбург: Арго, 1996.*
33. *Полякова Е.В.* Отрицательная оценка в русских письмах: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01. Саратов, 2001. 197 с.
34. *Седов К.Ф.* Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // *Юрислингвистика.* 2005. № 6. С. 87–104.
35. *Акимова Т.П.* Особенности реализации оценочных речевых жанров в эпистолярном тексте (на материале писем А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого) // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание.* 2009. № 2. С. 64–69.
36. *Федорова А.Л.* Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20, 10.02.04. Уфа, 2004. 187 с.
37. *Шалацкий Д.Л.* Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика.* 2014. № 1. С. 206–211.
38. *Чернецкий А.Р.* Тактики упрека в прагмалингвистическом аспекте (на материале французского языка) // *Вестник БДПУ. Серия 1.* 2015. № 3. С. 68–72.
39. *Паршина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01. Саратов, 2005. 324 с.
40. *Шалина И.В.* Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1998. 204 с.
41. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
42. *Щербинина Ю.В.* Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 221 с.
43. *Петрушина М.В.* Модальное значение неодобрения и его речевая реализация: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01. М., 2005. 257 с.

44. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.
45. Джандалиева Е.Ю. Вербальные реакции адресата на неодобренные высказывания (на материале немецкого языка): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. Волгоград, 2008. 26 с.
46. Власова Е.В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. Саратов, 2005. 213 с.
47. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01, 10.02.19. Орёл, 2004. 151 с.
48. Граждан В.Д. Социология управления: учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 607 с. Серия: Бакалавр. Углубленный курс.
49. Крысько В.Г. Социальная психология: Курс лекций. 3-е изд. М.: Омега-Л, 2006. 352 с; табл., илл. (Библиотека высшей школы).
50. Иванов Л.Ю. Коммуникативная цель, коммуникативное намерение, коммуникативная интенция // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 254–256.
51. НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>].
52. Goldberg A.E. Constructions at work: The nature of generalization in language. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
53. Goldberg A.E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
54. Fillmore Ch.J., Kay P. Construction grammar course book. Berkeley: University of California, 1992.
55. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.
56. Рахилина Е.В., Плунгян В.А. Конструкция анекдота с точки зрения грамматики конструкций // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2009, том 68, № 5. С. 47–54.
57. eLibrary [Научная электронная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.elibrary.ru/>].
58. Cyberleninka [Научная электронная библиотека: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/>].
59. Traugott E.C. (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment. In K. Davidse, L. Vandelotte, & H. Cuyckens (Eds.), Subjectification, intersubjectification and grammaticalization (pp. 29–71). Berlin: De Gruyter Mouton. 2010.
60. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
61. Бабенко Л.Г. Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: Астрель, АСТ, 2011. 688 с.
62. БАС. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. В.И. Чернышева. М., Лен.: Наука, 1950–1965. Т. 16. У–Ф. 1964. 808 с.
63. МАС. Словарь русского языка: в 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С–Я. 1988. 800 с.
64. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО “Издательство “Оникс”: ООО “Издательство “Мир и Образование”, 2010. 736 с.
65. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 4. С–Ящурный. 1940. 1502 стб.
66. Van Olmen D. Reproachatives and imperatives // Linguistics. Volume 56, Issue 1, p. 115–162. 2018.
67. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект (ред. Е.А. Земская). М.: Наука, 1993. 6 п.л. С. 158–218.
68. Wierzbicka A. The Reprimand group // English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney etc., 1987, p. 139–149.
69. Апресян Ю.Д. Обвинять // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа “Языки славянской культуры”, 2003. С. 683–687.
70. Апресян Ю.Д., Гловинская М.Я. Осуждать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа “Языки славянской культуры”, 2003. С. 729–733.
71. Апресян Ю.Д., Гловинская М.Я. Ругать // Новый объяснительный словарь синонимов русского

языка / под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа “Языки славянской культуры”, 2003. С. 989–995.

REFERENCES

1. Austin, J.L. How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. (eds. J.O. Urmson and Marina Sbisa), Oxford: Clarendon Press, 1962.
2. Searle, J.R. What is a speech act? In: “Philosophy in America” ed. Max Black, London, Alien and Unwin, 1965, p. 221–239.
3. Austin, J.L. *Slovo kak dejstvie* [Word as Action]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teoriya rechevykh aktov. Obshh. red. B.Yu. Gorodeczkogo* [New in Foreign Linguistics. The Speech Act Theory. Gorodeczkiy, B.Yu. (Ed.)]. Moscow, Progress Publ., 1986, Iss. 17, pp. 22–129. (In Russ.)
4. Searle, J.R. *Chto takoe rechevoj akt?* [What is a Speech Act?]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teoriya rechevykh aktov. Obshh. red. B.Yu. Gorodeczkogo* [New in Foreign Linguistics. The Speech Act Theory. Gorodeczkiy, B.Yu. (Ed.)]. Moscow, Progress Publ., 1986, Iss. 17, pp. 151–169. (In Russ.)
5. Bakhtin, M.M. *Problema rechevykh zhanrov* [The Speech Genre Problem]. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. Vol. 5, Works 1940–1960, pp. 159–206. (In Russ.)
6. Shmeleva, T.V. *Rechevoj zhanr* [Speech Genre]. *Kultura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar-spravochnik. Pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryaeva* [Culture of the Russian Speech: An Encyclopedic Reference Dictionary. Ivanov, L.Yu., Skovorodnikov, A.P., Shiryaev, E.N. (Eds.)]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003, pp. 573–574. (In Russ.)
7. Erokhina, E.G. *K sodержaniyu ponyatiya “Rechevaya strategiya” v issledovanii pismennogo diskursa* [To the Matter of Speech Strategy Concept in Written Discourse Studies]. *Vestnik IGLU* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University]. 2014, No. 2 (27), pp. 277–281. (In Russ.)
8. Vendler, Z. *Illokutivnoe samoubijstvo* [Illocutive Suicide]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVI. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 238–250. (In Russ.)
9. Апресян, Ю.Д., Гловинская, М.Я. *Upreatat* [To Reproach]. *Novyj obyasnitelnyj slovar sinonimov russkogo yazyka. Pod obshhim ruk. akad. Yu.D. Apreस्याna. 2-e izd., ispr. i dop.* [New Explanatory Synonyms Dictionary of the Russian Language. Апресян, Ю.Д. (Ed.). The 2nd Revised Edition]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2003, pp. 1213–1219. (In Russ.)
10. Vorontsova, T.A. *Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyj podkhod: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19* [Speech Aggression: Communicative Discursive Approach. An Abstract of the Diss. Doct. Philol. Sci.]. Chelyabinsk, 2006. 296 p. (In Russ.)
11. Davydova, T.A. *Rechevoj akt upreka v anglijskom yazyke: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04* [Reproach Speech Act in the English Language. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Irkutsk, 2003. 161 p. (In Russ.)
12. Mukhometzyanova, Yu.V. *Pragmatischekij potencial modalnykh vyskazyvanij (rechevoj akt upreka)* [Pragmatic Potential of Modal Propositions (Reproach Speech Act)]. *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty* [Foreign Languages: Linguistic and Methodical Aspects]. 2018, No. 42, pp. 125–130. (In Russ.)
13. Pugacheva, O.V. *Kommunikativnaya polyarnost rechevykh aktov upreka i samopohvaly i sredstva ih eksplikacii* [Communicative Polarity of Reproach and Self Praise Speech Acts and their Explication Means]. *Vestnik VGU, Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya* [Bulletin of the Voronezh State University, Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2008, No. 3, pp. 134–139. (In Russ.)
14. Karaziya, N.A. *Pragmalingvisticheskoe issledovanie akta upreka v kontekste sovremennoj amerikanskoj rechevoj kultury: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04* [A Pragmalinguistic Study of Reproach Speech Act in Context of the Contemporary American Speech Culture. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Petropavlovsk-Kamchatskij, 2004. 214 p. (In Russ.)
15. Shilikhina, K.M. *Verbalnye sposoby modifikacii povedeniya i emocionalno-psihologicheskogo sostoyaniya sobesednika v rossijskoj i amerikanskoj kommunikativnykh kulturakh: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19* [Verbal Modification Ways of Behavior and Emotional Psychological Status of a Interlocutor in the Russian and American Speech Cultures. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Voronezh, 1999. 175 p. (In Russ.)
16. Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Linguistic World Conceptualization (Based on Material of the Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 1997. 576 p. (In Russ.)

17. Karasik, V.I. *Yazyk socialnogo statusa* [Social Status Language]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 333 p. (In Russ.)
18. Kozhukhova, I.V., Valeeva, S.R. *Funkcionalnye osobennosti vyrazheniya upreka v anglijskom yazyke* [Functional Specialities of Reproach Proposition in the English Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Praxis Issues]. Tambov, Gramota Publ., 2012, No. 4 (15), pp. 72–75. (In Russ.)
19. Bachurka, M.S. *Poritszanie: pragmalingvisticheskiy analiz* [Censure: Pragmatic Analysis]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Praxis Issues]. 2017, No. 5–3 (71), pp. 59–61. (In Russ.)
20. Kremenevskaya, A.V. *Yazykovye sredstva vyrazheniya upreka v nemeczkoyazychnom i russkoyazychnom khudozhestvennom diskurse* [Linguistic Means of Reproach Proposition in the German and Russian Artistic Discourse]. *Teoreticheskie predposylki i specifika formirovaniya yazykovoy lichnosti v usloviyakh innovacionnogo razvitiya vysshego obrazovaniya: 3 nauchno-prakticheskij seminar (Minsk, 25 aprelya 2014 goda): sbornik materialov. BGU, filologicheskij fak.; [pod obshh. red. S.S. Kotovskoj]* [Theoretical Background and Formation Specificity of a Language Person in Conditions of Innovative High School Development (Minsk, April 25, 2014): Collected Materials. The Belorussian State University, Philological Faculty. Kotovskaya, S.S. (Ed.)]. Minsk, BGU Publ., 2014. 161 p. Pp. 85–92. (In Russ.)
21. Trofimova, N.A. *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskij, pragmaticheskij, grammaticheskij analiz: Monografiya* [Expressive Speech Acts in Dialogical Discourse. Semantic, Pragmatic, Grammatical Analysis]. St. Petersburg, Izd-vo VVM Publ., 2008. 376 p. (In Russ.)
22. Shirapova, S.D., Luneva, N.P. *Kosvennye rechevye akty* [Indirect Speech Acts]. *Vestnik BGU. Yazyk, literatura, kultura* [Bulletin of the Belorussian State University. Language, Literature, Culture]. 2008, No. 11, pp. 130–134. (In Russ.)
23. Kachalova, N.A. *Namek-uprek v forme ironii (na materiale russkoyazychnoj i nemeczkoyazychnoj pressy)* [Intimation-Reproach in Ironic Form (Based on Material of Russian and German Mass Media)]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University]. 2012, No. 2–2, pp. 54–57. (In Russ.)
24. Vinantova, I.V. *Strukturnye i pragmaticheskie osobennosti kosvennykh rechevykh aktov so znacheniem upreka, vyrazhennykh v forme voprosa (na materiale anglijskogo yazyka)* [Structural and Pragmatic Specificities of Indirect Reproach Speech Acts in the Form of a Question (Based on Material of the English Language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Praxis Issues]. 2009, No. 2 (4), pp. 77–79. (In Russ.)
25. Apresyan, Yu.D. *Novyj obyasnitelnyj slovar sinonimov russkogo yazyka. Pod obshhim ruk. akad. Yu.D. Apresyana. 2-e izd., ispr. i dop.* [New Explanatory Synonyms Dictionary of the Russian Language. Apresyan, Yu.D. (Ed.). The 2nd Revised Edition]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2003. 1488 s. (In Russ.)
26. Zhuravleva, N.N. *Vyrazhenie intencii upreka s pomoshhyu assertivnogo rechevogo akta v polskom yazyke* [Proposition of a Reproach Intention Through an Assertive Speech Act in Polish]. *Vestnik MDPU im. I.P. Shamyakina* [Bulletin of the I.P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University]. 2007, No. 2 (17), pp. 93–97. (In Russ.)
27. Maksimiyuk, E.V. *Psikhoemocionalnoe sodержanie zhanra upreka (gendernyj aspekt)* [Psycho Emotional Matter of Reproach Genre (Gender Aspect)]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. 2017, No. 11 (188), pp. 18–24. (In Russ.)
28. Dubrovskaya, T.V. *Rechevye zhanry “osuzhdenie” i “obvinenie” v russkom i anglijskom rechevom obshhenii: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.19* [Condemnation and Accusation Speech Genres in the Russian and English Communication. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Saratov, 2003. 233 p. (In Russ.)
29. Dementjev, V.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Speech Act Theory]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (In Russ.)
30. Steksova, T.I. *Uprek* [Reproach]. *Kultura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar-spravochnik. Pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva* [Culture of the Russian Speech: An Encyclopedic Reference Dictionary. Ivanov, L.U., Skovorodnikov, A.P., Shiryayev, E.N. (Eds.)]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003, pp. 728–729. (In Russ.)
31. Lavrenteva, E.A. *Rechevye zhanry obvineniya i opravdaniya v dialogicheskom edinstve: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.01* [Accusation and Justification Speech Genres in Dialogical Unity. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Novosibirsk, 2006. 261 p. (In Russ.)
32. Fedosyuk, M.Yu. *Semantika sushhestvitelnykh rechevoj deyatelnosti i teoriya zhanrov rechi* [Semantics of Speech Activity Nouns and Speech Genre Theory]. *Russkoe slovo v yazyke, tekste i*

- kulturnoj srede* [Russian Word in Language, Text and Cultural Milieu]. Vol. 1. Ekaterinburg, Argo Publ., 1996. (In Russ.)
33. Polyakova, E.V. *Otriczatelnaya ocenka v russkikh pismakh: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.01* [Negative Evaluation in Russian Letters. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Saratov, 2001. 197 p. (In Russ.)
34. Sedov, K.F. *Agressiya i manipulyaciya v povsednevnoj kommunikacii* [Aggression and Manipulation in Every Day Communication]. *Yurilingvistika* [Juristic Linguistics]. 2005, No. 6, pp. 87–104. (In Russ.)
35. Akimova, T.P. *Osobennosti realizacii ocenochnykh rechevykh zhanrov v epistoljarnom tekste (na materiale pisem A.S. Pushkina i L.N. Tolstogo)* [Realization Specificities of Evaluation Speech Genres in an Epistolary Text (Based on Materials of A.S. Pushkin's and L.N. Tolstoy's Letters)]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics]. 2009, No. 2, pp. 64–69. (In Russ.)
36. Fedorova, A.L. *Rehevaya strategiya upryoka: lingvokognitivnyj podkhod (na materiale nemetskogo, anglijskogo i russkogo yazykov): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.20, 10.02.04* [Reproach Speech Strategy: Linguistic Cognitive Approach (Based on Material of the German, English and Russian Languages. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.)]. Ufa, 2004. 187 p. (In Russ.)
37. Shalatskij, D.L. *Pryamyje i kosvennyje taktiki rechevoj strategii upreka v politicheskom diskurse* [Direct and Indirect Tactics of Reproach Speech Strategy in Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2014, No. 1, pp. 206–211. (In Russ.)
38. Chernetskij, A.R. *Taktiki upreka v pragmalingvisticheskom aspekte (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Reproach Tactics in Pragmatic Linguistic Aspect (Based on Material of the French Language)]. *Vesczi BDPU. Seriya 1* [Bulletin of the Belorussian State Pedagogical University. Series 1]. 2015, No. 3, pp. 68–72. (In Russ.)
39. Parshina, O.N. *Strategii i taktiki rehevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity Rossii: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskix nauk: 10.02.01* [Strategies and Tactics of the Contemporary Political Russian Elite Speech Behavior]. Saratov, 2005. 324 p. (In Russ.)
40. Shalina, I.V. *Vzaimodejstvie rechevykh kultur v dialogicheskom obshhenii: aksiologicheskij vzglyad: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.01* [Speech Cultures Interaction in Dialogical Communication: an Axiological View. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Ekaterinburg, 1998. 204 p. (In Russ.)
41. Issers, O.S. *Kommunikativnyje strategii i taktiki russkoj rechi. Izd. 5-e* [Communicative Strategies and Tactics of the Russian Speech. The 5th Edition]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p. (In Russ.)
42. Shherbinina, Yu.V. *Russkij yazyk: Rehevaya agressiya i puti ee preodoleniya: Ucheb. posobie* [The Russian Language: Speech Aggression and Overcoming Ways. A Textbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004. 221 p. (In Russ.)
43. Petrushina, M.V. *Modalnoje znachenie neodobreniya i ego rehevaya realizaciya: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.01* [Disapproval Modal Value and its Speech Realization. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Moscow, 2005. 257 p. (In Russ.)
44. *Russkij semanticheskij slovar. Tolkovyj slovar, sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary Organized by Words and Meanings Classes]. *Rossijskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova; Pod obshej red. N.Yu. Shvedovoj* [The Russian Academy of Sciences. The V.V. Vinogradov Russian Language Institute. Shvedova, N.Yu. (Ed.)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. (In Russ.)
45. Dzhandaliev, E.Yu. *Verbalnye reakcii adresata na neodobritelnye vyskazyvaniya (na materiale nemetskogo yazyka): avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.04* [Verbal Addresat Reactions to Disapproval Propositions (Based on Material of the German Language). An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Volgograd, 2008. 26 p. (In Russ.)
46. Vlasova, E.V. *Rehevaya agressiya v pechatnykh SMI (na materiale nemeczkogo i russkojazychnykh gazet 30-x i 90-x gg. XX veka): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.19* [Speech Aggression in Printed Mass Media (Based on Material of German and Russian Newspapers of 1930s and 1990s). An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Saratov, 2005. 213 p. (In Russ.)
47. Gulakova, I.I. *Kommunikativnyje strategii i taktiki rehevogo povedeniya v konfliktnoj situacii obshheniya: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.01, 10.02.19* [Communicative Strategies and Tactics of Speech Behavior in Conflict Communicative Situations. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Oryol, 2004. 151 p. (In Russ.)
48. Grazhdan, V.D. *Sociologiya upravleniya: uchebnik dlya bakalavrov. 4-e izd., pererab. i dop.* [Management Sciology: a Textbook for Bachelors. The 4th Revised

- Edition]. Moscow, Yurajt Publ., 2016. 607 p. (In Russ.)
49. Krysko, V.G. *Socialnaya psikhologiya: Kurs lekcij. 3-e izd.* [Social Psychology: Course of Lectures. The 3d Edition]. Moscow, Omega-L Publ., 2006. 352 p. (In Russ.)
50. Ivanov, L.Yu. *Kommunikativnaya cel, kommunikativnoe namerenie, kommunikativnaya intenciya* [Communicative Goal, Communicative Purpose, Communicative Intention]. *Kultura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar-spravochnik. Pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva* [Culture of the Russian Speech: An Encyclopedic Reference Dictionary. Ivanov, L.Yu., Skovorodnikov, A.P., Shiryayev, E.N. (Eds.)]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003, pp. 254–256. (In Russ.)
51. NKRYA [Nacionalnyj korpus russkogo yazyka: [sajt] [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
52. Goldberg, A.E. *Constructions at work: The nature of generalization in language.* Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
53. Goldberg, A.E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure.* Chicago: University of Chicago Press, 1995.
54. Fillmore, Ch.J., Kay, P. *Construction grammar course book.* Berkeley: University of California, 1992.
55. Raxilina, E.V. *Lingvistika konstrukcij. Otv. red. E.V. Raxilina* [Construction Linguistics. Raxilina, E.V. (Ed.)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 584 p. (In Russ.)
56. Raxilina, E.V., Plungyan, V.A. *Konstrukcija anekdota s tochki zreniya grammatiki konstrukcij* [Joke Construction from the Point of View of Construction Grammar]. *Izvestie Rossijskoj akademii nauk. Seris literatury i ęzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2009, Vol. 68, No. 5, pp. 47–54. (In Russ.)
57. eLibrary [Nauchnaya elektronnyaya biblioteka: [sajt] [A Scientific Electronic Library]. URL: <https://www.elibrary.ru/>
58. Cyberleninka [Nauchnaya elektronnyaya biblioteka: [sajt] [A Scientific Electronic Library]. URL: <https://cyberleninka.ru/>
59. Traugott E. C. (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment. In K. Davidse, L. Vandellotte, & H. Cuyckens (Eds.), *Subjectification, intersubjectification and grammaticalization* (pp. 29–71). Berlin: De Gruyter Mouton. 2010.
60. Efremova, T.F. *Sovremennyj tolkovyj slovar russkogo yazyka: V 3 t.* [Contemporary Explanatory Dictionary of the Russian Language in 3 Vols.]. Moscow, AST, Astrel, Harvest Publ., 2006. (In Russ.)
61. Babenko, L.G. *Slovar sinonimov russkogo yazyka. Pod obshh. red. L.G. Babenko* [Synonyms Dictionary of the Russian Language. Babenko, L.G. (Ed.)]. Moscow, Astrel, AST Pubs., 2011. 688 p. (In Russ.)
62. BAS. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. AN SSSR, In-t rus. yaz.; Pod red. V.I. Chernysheva* [Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language in 17 Vols. The Academy of Sciences of the USSR. The Russian Language Institute. Chernyshev, V.I. (Ed.)]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950–1965, Vol. 16, U–F, 1964. 808 p. (In Russ.)
63. MAS. *Slovar russkogo yazyka: v 4-x t. AN SSSR, In-t rus. yaz.; Pod red. A.P. Evgenjevoj. 3-e izd., stereotip.* [Dictionary of the Russian Language in 4 Vols. The Academy of Sciences of the USSR. The Russian Language Institute. Evgenjeva, A.P. (Ed.). The 3d Edition]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985–1988. Vol. 4. S–Ya, 1988. 800 p. (In Russ.)
64. Ozhegov, S.I. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij. Pod red. prof. L.I. Skvortsova. 26-e izd., ispr. i dop.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Over 100 000 Words, Terms and Phraseological Expressions. Skvortsov, L.I. (Ed.). The 26th Revised Edition]. Moscow, Oniks, Mir i Obrazovanie Publ., 2010. 736 p. (In Russ.)
65. Ushakov, D.N. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka: V 4 t. Pod red. D.N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 Vols. Ushakov, D.N. (Ed.)]. Moscow, Sov. enciklopediya, OGIZ Publ., 1935–1940, Vol. 4, S–Yashhurnyj, 1940. 1502 c. (In Russ.)
66. Van Olmen, D. *Reproachatives and imperatives // Linguistics. Volume 56, Issue 1, p. 115–162.* 2018.
67. Glovinskaya, M.Ya. *Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov* [Semantics of the Speech Verbs from the Point of View of Speech Act Theory]. *Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticeskij aspekt (red. E.A. Zemskaya)* [The Russian Language in its Functioning. Communicative Pragmatic Aspect. Zemskaya, E.A. (Ed.)]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 158–218. (In Russ.)
68. Wierzbicka, A. *The Reprimand group. English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary.* Sydney etc., 1987, p. 139–149.
69. Apresyan, Yu.D. *Obvinyat [To Accuse]. Novyj obyasnitelnyj slovar sinonimov russkogo yazyka. Pod obshhim ruk. akad. Yu.D. Apresyana. 2-e izd., ispr. i dop.* [New Explanatory Synonyms Dictionary of the Russian Language. Apresyan, Yu.D. (Ed.).

- The 2nd Revised Edition]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2003, pp. 683–687. (In Russ.)
70. Apresyan, Yu.D., Glovinskaya, M.Ya. Osuzhdat' *Novyj obyasnitelnyj slovar sinonimov russkogo yazyka. Pod obshhim ruk. akad. Yu.D. Apresyana. 2-e izd., ispr. i dop.* [New Explanatory Synonyms Dictionary of the Russian Language. Apresyan, Yu.D. (Ed.). The 2nd Revised Edition]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2003, pp. 729–733. (In Russ.)
71. Apresyan, Yu.D., Glovinskaya, M.Ya. Rugat [To Scold]. *Novyj obyasnitelnyj slovar sinonimov russkogo yazyka. Pod obshhim ruk. akad. Yu.D. Apresyana. 2-e izd., ispr. i dop.* [New Explanatory Synonyms Dictionary of the Russian Language. Apresyan, Yu.D. (Ed.). The 2nd Revised Edition]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2003, pp. 989–995. (In Russ.)